

АЛЕНА ОРИОН

ДРАКОН
НЕ УКАЗ

или

ХОЧУ ДОМОЙ,
НО ЭТОТ НАЧАЛЬНИК СТРАЖИ...

18+

ЧАСТЬ 1

Алена Орион

Дракон не указ, или Хочу домой, но этот начальник стражи...

<https://litres.ru/74371039>

SelfPub; 2026

Аннотация

Утро понедельника началось хреново: молодой любовник назвал меня чужим именем, кошка смотрела с презрением, а бывший мужчина (он же мой начальник) влепил выговор при всех. Я заперлась в туалете бизнес-центра, посмотрела в зеркало и спросила: «Катя, и ради чего всё это?»

Зеркало ответило порталом в другой мир.

Теперь я — попаданка в Академии невест местного Владыки-дракона. Конкурентки — юные красотки с идеальной кожей и магией соблазнения. У меня — тридцать семь лет жизненного опыта, навыки HR-директора и полное отсутствие магии.

Чтобы выжить и вернуться домой к кошке, нужно всего лишь провалить отбор. Но тут появляется ОН — начальник стражи. Холодный, опасный, с грустными глазами и шрамом на скуле. И почему при виде него хочется не драпать, а... обнять? Или не только?

Кажется, мой план трещит по швам.

Содержание

Глава 1: «Кис-кис» не по ГОСТу	5
Глава 2: Форсаж на каблуках	12
Глава 3: Удаленка в другом измерении	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Алена Орион

Дракон не указ, или Хочу домой, но этот начальник стражи...

Глава 1: «Кис-кис» не по ГОСТу

Утро понедельника — это всегда физическая боль. Даже если ты пыталась подготовиться к нему заранее, оно настигает тебя, как судебный пристав: внезапно, громко и с претензией на всё твоё имущество, включая остатки здравого смысла. В моём случае «имущество» в постели ещё и сопело, занимая добрую половину матраса, а в голове пульсировал риторический вопрос: *«Катя, ну зачем?»*

Давайте знакомиться. Я — Катя. Катерина Сергеевна, если вы мой подчинённый или налоговый инспектор. Мне тридцать семь, и это тот прекрасный возраст, когда на тебя всё ещё засматриваются двадцатилетние, но ты уже достаточно умна, чтобы понимать — это не комплимент твоей красоте, а их надежда на бесплатный ужин и отсутствие родительского контроля. Я работаю HR-директором в крупной IT-компании. Звучит пафосно? По факту я просто ре-

шаю чужие проблемы. Целый день делаю вид, что моя работа — это стратегический HR, а на деле уговариваю взрослых дядек с бородами не драться из-за печенок и не орать в чате заглавными буквами в три часа ночи.

Иногда, когда уровень стресса зашкаливает, я лечусь молодыми любовниками. Лекарство сомнительное, побочные эффекты — в ассортименте, но в аптеках такое не продают.

Вот об одной такой «терапии» и пойдет речь.

Я проснулась от того, что чья-то рука бесцеремонно шарилла по моей талии, и я кожей чувствовала жар, исходящий от этого тела. Ладонь была большая, чуть шершавая, и её прикосновение к моему голому боку вызывало бы приятные мурашки, если бы не осознание, что сейчас пол восьмого утра рабочего дня.

Секунду я лежала с закрытыми глазами, восстанавливая хронологию воскресного вечера: вино, затяжной сплин, приложение знакомств, свайп вправо (ну, симпатичный же!), бар, ещё вино, такси... и вот результат.

— Кис-кис-кис, — пробормотал голос над моим ухом.

Пазл сложился, но картинка была в жанре эротического сюрреализма. Я приоткрыла глаза. Сосед по подушке активно втирал свою щетину в мой египетский хлопок. На вид — лет двадцать пять. Ресницы — на зависть любой модели, губы припухшие от сна и вчерашних поцелуев, которые — надо признать — были чертовски хороши. Он двигался плавно, по-мужски собственнически притягивая меня ближе, так

что я ощутила твердость его тела сквозь тонкую ткань одеяла. Мог бы быть моим стажером, если бы я нанимала людей по рельефу пресса.

— Кис-кис, — повторил он и влажно чмокнул меня в ложбинку между ключицами, пуская по телу волну не вовремя проснувшегося желания. — Марин, ты спишь?

Мир замер. Знаете этот момент в хоррорах, когда музыка стихает и героиня понимает, что убийца уже в доме? У меня было круче. «Убийца» был в моей постели и звал какую-то Марину.

Я резко села, рывком натягивая одеяло до самого подбородка и лишая юношу доступа к моим прелестям. Вадим приподнялся, сияя такой расслабленной, сытой улыбкой, что мне на миг стало его жалко. Но я — HR. У нас профдеформация: мы не терпим ошибок в заполнении анкет.

— Марина? — переспросила я тем самым тоном, которым обычно сообщаю сотрудникам об отмене годовой премии.

Он моргнул раз, другой. Улыбка сползла с его лица быстрее, чем падает курс биткоина.

— Что? — переспросил он, стремительно трезвея.

— Ты сейчас назвал меня Мариной. Дважды. И это твоё «кис-кис»... Ты серьезно? Ты считаешь, что подзывать женщину в её же постели как бродячее животное — это удачный маркетинговый ход? — Я смотрела на него сверху вниз, и вся вчерашняя магия его атлетичного тела испарилась, оставив лишь досаду.

— Я? Не, показалось. Кать, ты чего? — он попытался обнять меня за плечи, включая режим «обаятельного дурачка». Его пальцы скользнули по моей коже, пытаясь нащупать вчерашний отклик, но я была холодна, как серверная комната.

Я аккуратно, как грязный носок, двумя пальцами, пере-

хватила его запястье и вернула владельцу.

— Вадим. Ты перепутал имя. Это не «показалось», это критический баг в системе.

— Слушай, ну давай не драматизировать, — он вдруг решил, что лучшая защита — это наглость. — Мы взрослые люди, переспали, всё было огненно. Какая разница, как кого зовут, если нам обоим было так хорошо, что соседи, небось, завидовали?

— Обоим? — я приподняла бровь. — Ты уверен? Потому что мне сейчас совсем не «хорошо». Мне интересно, кто такая Марина? Твоя бывшая? Текущая? Или ты просто перепутал вкладки в своём Tinder-мозгу?

— Ой, всё, началось, — он закатил глаза и начал выбираться из кровати, демонстрируя отличную мускулатуру спины, которая вчера казалась мне верхом совершенства, а сегодня — просто куском мяса. — Драмы на пустом месте. Бывает.

— Бывает, — согласилась я, накидывая шёлковый халат и затягивая пояс так, будто это была удавка. — Знаешь, что ещё бывает? Когда «молодой и перспективный» вылетает из квартиры быстрее, чем успевает застегнуть ширинку.

Вадим замер в нелепой позе. Сжимая в руках трусы, он отчаянно балансировал на одной ноге, из последних сил стараясь не грохнуться на мой пушистый ковер.

— Ты серьезно? Выгоняешь меня?

— Абсолютно. — Я подошла к двери и распахнула её с

таким видом, будто за ней начиналась бездна. — Твой выход, Вадим. Марина ждёт.

— Кать, ну блин, давай поговорим нормально...

— Мы поговорили. Ты провалил испытательный срок. — Я подняла с пола его футболку и прицельно запустила ему в лицо. — Лови. И носки не забудь, они под тумбочкой.

Я наблюдала за его сборами с чувством глубокого удовлетворения. Стыда у него не было ни на грош, зато неудобства — вагон. Он бурчал что-то про «странных баб», натягивая кроссовки, а я стояла в проеме, воплощая собой образ оскорбленной добродетели с выдержкой снайпера.

— Обычные девушки нормально реагируют! — бросил он напоследок.

— Обычные — возможно. А я — HR-директор. Ошибки в персональных данных не прощаются.

Захлопнув дверь, я щелкнула замком и сползла по косяку на пол. В коридоре ещё пару секунд топтались, лифт звякнул, и наступила благословенная тишина.

— Господи, — прошептала я в ладони. — За что мне это? Это был риторический вопрос. Я прекрасно знала — за что. За то, что после развода, случившегося восемь лет назад, я всё ещё надеюсь встретить в приложении для быстрых знакомств кого-то адекватного. Мой бывший муж тоже был красив и молод — на год младше меня. Пять лет брака ушли на то, чтобы я помогла ему «найти себя», потом «найти работу», а в итоге он нашел кого-то на десять лет младше. Я

тогда даже не плакала — просто устала быть мамочкой для взрослого мужика.

Тогда я дала себе слово: никаких «детей». Только состоявшиеся, взрослые личности! Но такие личности почему-то не спешили знакомиться со мной в приложениях. Они были заняты: кто семьей, кто карьерой, кто коллекционированием винила и рассуждениями о кризисе среднего возраста. А молодые — они такие ласковые, такие благодарные, так смотрят снизу вверх... Пока не перепутают имя.

Я поднялась с пола и побрела в душ. Горячие струи ударили по плечам, выбивая из головы остатки ночного дурмана. Пришлось зажмуриться до пульсирующих цветных пятен перед глазами, пока вода стекала по кафелю, унося с собой запах чужого парфюма и липкое послевкусие утреннего провала. Вместе с паром в голове начал материализоваться образ того, кто сделает этот понедельник по-настоящему незабываемым.

Глава 2: Форсаж на каблуках

Алексей Александрович. Мой босс. Мой бывший. Моя самая большая профессиональная ошибка, заботливо упакованная в костюм-тройку.

Ему пятьдесят два. Он из тех мужчин, что «красиво стареют», если под этим понимать медленное превращение в сушеное яблоко с очень дорогими часами. Алексей холост, стремительно лысеет, но бодрится: ходит в спортзал трижды в неделю (судя по его Инстаграму, он там в основном фотографируется у зеркала) и носит рубашки, которые обтягивают его самомнение плотнее, чем бицепсы.

Наш роман случился три года назад, когда я, окрыленная новой должностью, только пришла в компанию. Он тогда включил режим «мудрого наставника»: угощал редким сортом пуэра в своем кабинете, цитировал классиков менеджмента и смотрел на меня так, будто я была единственным адекватным человеком в этом царстве кода и багов. Ну и завертелось.

Длилось это недолго, месяца три. Я довольно быстро поняла, что роман с начальником — это как есть наваристый борщ прямо на рабочем месте, сидя над горой важных документов. Один неосторожный жест — и всё в несмываемых красных пятнах.

Я инициировала расставание. Максимально цивилизованно.

но, по-взрослому, как и положено HR-директору.

— Леш, — сказала я тогда, глядя ему в глаза, — мы оба профессионалы. Давай не будем превращать офис в «Дом-2». Останемся друзьями и коллегами?

Он кивнул, выдавил свою фирменную дипломатичную улыбку и сказал: «Конечно, Катя. Я всё понимаю».

Врал. Ни черта он не понимал.

С того дня его главной миссией в жизни стало превращение моего рабочего дня в квест на выживание. Алексей Александрович превратился в классического «обиженного самца», только с неограниченным административным ресурсом. Он придирается к каждой запятой в моих отчетах, ставит палки в колеса при согласовании бюджетов, а на совещаниях перебивает меня на полуслове, чтобы через пять минут выдать мою же идею за свое гениальное озарение.

И я терплю. Почему? Потому что я реалист. В IT-индустрии, где средний возраст сотрудника — двадцать пять, мои тридцать семь — это уже почти пенсионный возраст. Дискриминация здесь цветет пышным цветом, и она не в официальных документах, а в головах тех, кто проводит собеседования. «Она слишком опытная», «Она не впишется в наш молодой драйвовый коллектив» — я сама слышала эти фразы сотни раз. Найти другую работу с такой же зарплатой и статусом — тот еще квест, а у меня ипотека, Мурка и привычка к хорошему кофе.

Я выключила воду, чувствуя, как кожа на кончиках паль-

цев сморщилась. Решительно стерла пар с зеркала и посмотрела на себя.

— Соберись, Катерина, — прошептала я своему отражению. — Ты пережила пять реструктуризаций и трех генеральных директоров. С одним лысеющим нарциссом ты как-нибудь справишься.

Завернувшись в пушистое полотенце, я вышла на кухню. Пора было вливать в себя кофе — единственное легальное топливо, на котором может работать HR-директор в понедельник утром.

На кухне меня уже ждала Мурка — рыжая, толстая и бесконечно циничная кошка. Она сверлила меня взглядом прокурора.

— Привет, — я насыпала ей корм. — Записывай нового кандидата в черный список: Вадим, маркетолог, путает имена.

Мурка фыркнула и уткнулась в миску. Ей было плевать на Вадима. Её больше беспокоил вопрос закрытого окна и отсутствия свежих птичек на подоконнике.

Я сделала кофе такой крепости, что он мог бы поднять мертвеца, и уставилась в окно. Москва просыпалась. В этом городе миллионы людей, и наверняка половина из них сейчас чувствует себя такими же идиотками, как я. Где-то жила моя бабка, которая всю жизнь ждала мужа с войны, а он так и не вернулся. Генетическая память — штука суровая: женщины в нашем роду либо вечно ждут, либо падают за двоих.

Взгляд на часы вырвал меня из меланхолии.

— Твою ж... Половина девятого!

Остаток утра пронесся в режиме «Форсаж: Московский дрифт». На сборы ушло рекордно-неприличные десять минут. Короткий спринт до лифта, судорожная проверка: ключи, смартфон, сумка... Стоп. Сумка подозрительно легкая. Внутренний HR мгновенно выдал отчет об ошибке: ноутбук все еще томится в плену удлинителя, а время уходит в крутое пике.

Пришлось разворачиваться на 180 градусов и штурмовать квартиру заново. Мурка даже не шелохнулась, лишь проводила моё броуновское движение тяжелым взглядом истинного философа. В её желтых глазах без труда читалось: «Беги-беги, несчастная женщина. Работай на мой премиум-хололистик. А я останусь здесь — страдать в гордом одиночестве на твоём небрежно брошенном одеяле».

Моя «Мазда», верная, но уже порядком подуставшая от московской жизни, ждала меня во дворе с немим укором в пыльных фарах. Я запрыгнула на сиденье, молясь всем автомобильным богам сразу, и повернула ключ. Стартер выдал натужное «дрр-дрр-дрр» и безнадежно затих. Я попробовала снова. Двигатель отозвался чахоточным чихом, вздрогнул и окончательно погрузился в летаргический сон.

— Только не сегодня, — выдохнула я, в отчаянии стукнув ладонью по рулю. — Малышка, ну пожалуйста, подвези...

Машина ответила могильным молчанием. Выскочив из

салона, я со злостью хлопнула дверью и рванула в сторону метро. Каблуки выбивали по асфальту лихорадочную чечетку, тяжелая сумка нещадно била по бедру, а в висках молотом пульсировало одно-единственное слово: *«Опаздываю. Опаздываю. Опаздываю.»*

Метро встретило меня привычным гостеприимством пе-

реполненной консервной банки: плотная толпа, густой замес из запахов перегара и ядреного парфюма, а в довершение — чей-то рюкзак, методично впечатывающий меня в двери вагона. Каким-то чудом я ввинтилась внутрь и замерла, зажатая между хмурым мужчиной в тяжелой куртке и девушкой, которая увлеченно красила ресницы, игнорируя качку состава.

Я закрыла глаза, стараясь дышать через раз. Состав качало, в животе требовательно урчало от голода (кофе в пустом желудке уже устроил революцию), а от жизни в целом начало отчетливо подташнивать.

Надо было вызвать такси. Надо было встать на полчаса раньше. Надо было, в конце концов, не тащить вчера этого Вадима в свою постель. Надо было... Стоп. Если я сейчас начну перечислять все свои «надо было», мой мозг просто выдаст «синий экран смерти».

Где-то над ухом механический голос объявил мою станцию. Я буквально вывалилась из вагона вместе с потоком людей, чувствуя себя пожеванным листком из шредера. Натянув на лицо привычную маску «железной леди», я зашагала к выходу — впереди была работа, и там меня точно не собирались жалеть.

Офисный центр «Плаза» возвышался над Сити, как стеклянное надгробие моему спокойному понедельнику. Я влетела в холл в 9:02, чувствуя, как влажный после душа пушок на затылке начинает некрасиво пушиться от влажности.

Лифт, как назло, останавливался на каждом втором этаже, выпуская и выпуская безупречно выглаженных клерков с лицами, не выражающими ничего, кроме готовности выполнять КРІ.

Когда я выскочила на двадцать четвертом, Лена из бухгалтерии, стоявшая у автомата с водой, проводила меня сочувственным шепотом:

— Беги, Кать. Он там уже копытом землю роет. Весь совет директоров в сборе.

Слова Лены подстегнули и без того зашкаливающий пульс. Я даже не зашла в свой кабинет — только бросила взгляд на закрытую дверь, за которой меня ждал уютный стол и остывший покой, и повернула в сторону переговоров. Тяжелая сумка на плече, в которой ноутбук казался неподъемным слитком свинца, мешала бежать, но я прибавила шагу, на ходу пытаюсь пригладить растрепавшийся пучок.

Перед дверью с табличкой «Лондон» я замерла на секунду, выдохнула, стараясь унять дрожь в коленях, и осторожно нажала на ручку.

Глава 3: Удаленка в другом измерении

В переговорной «Лондон» атмосфера была такой, что хоть топор вешай. Алексей Александрович стоял спиной к двери, изучая на огромном экране графики нашей «невероятной эффективности». Он даже не шелохнулся, когда я тихо приоткрыла дверь и попыталась бесшумно боком просочиться на свободный стул в самом углу. Лишь кончики его пальцев, заложенных за спину, едва заметно дрогнули.

— Катерина Сергеевна, — его голос, обычно бархатный и вкрадчивый, сейчас прозвучал как удар хлыста. — Как любезно с вашей стороны почтить нас своим присутствием. Мы как раз перешли к самому интересному.

Он медленно, почти театрально развернулся. Его лицо было непроницаемым, но в глазах плясали холодные искры — он явно наслаждался моментом. Опершись ладонями о край длинного стола из темного дуба, Алексей подался вперед, вглядываясь в меня.

— Обсуждали, каким магическим образом наш HR-департамент умудрился отправить ключевому клиенту вместо базы кандидатов список тех, кого мы отбраковали с пометкой «неадекватен».

Внутри всё сжалось в тугую ледяной комок. Я отчетливо

помнила, как в пятницу вечером, уже уходя, проверяла письмо Петрова.

— Этого не может быть, — я постаралась, чтобы голос звучал твердо, хотя сумка немилосердно тянула плечо вниз. — В черновике, который я видела, были верные данные.

Алексей выпрямился, засунул руки в карманы дорогих брюк и елейно улыбнулся. Эта улыбка, обнажившая ровные зубы, была страшнее любого крика — так улыбается сытый хищник перед тем, как окончательно перекусить хребет жертве.

— А сервер, Катенька, говорит об обратном. Петров утверждает, что отправил именно то, что вы утвердили в последний момент. И — сюрприз — в логах системы четко зафиксирована ваша электронная подпись под финальной версией. Устный выговор вам, Катерина Сергеевна. Пока что устный.

В зале повисла такая тишина, что было слышно, как нутжно гудит кондиционер. Коллеги, с которыми я буквально вчера еще переписывалась в чатах и пила кофе, теперь старательно изучали ворс на ковролине или свои ногти. Никто не поднял глаз. Меня публично, методично хлестали по щекам за подставу, которую этот «обиженный самец» явно подготовил вместе с Петровым.

Я стояла, вцепившись пальцами в ремень сумки так, что костяшки побелели. Обида жгла горло, а к лицу приливал жар. Хотелось швырнуть в него этот чертов ноутбук, выска-

зять всё, что я думаю о его методах руководства и личных комплексах, но вместо этого я просто медленно села.

Совещание продолжалось еще бесконечные полчаса. Я сидела как в тумане, механически кивая и что-то помечая в блокноте, хотя перед глазами всё плыло от ярости. Как только Алексей закрыл крышку своего макбука, давая понять, что экзекуция окончена, я первой вышла из кабинета.

Я не пошла в кабинет. Знала: если сейчас сяду в свое кресло, то либо запущу в стену тяжелым степлером, либо просто разрыдаюсь от бессилия. Ноги сами несли меня в туалет в конце коридора — единственное место в этом стерильном аквариуме, где можно было на пару минут запереться и сбросить маску «железной леди».

Внутри было пусто. Тяжелая дверь отсекала гул офиса, оставив меня наедине с плеском автоматического освежителя и запахом дорогого клининга. Я подошла к умывальникам и оперлась руками о холодный мрамор столешницы. Дыхание с трудом, но выравнивалось, хотя сердце всё еще колотилось в горле.

Я подняла голову и посмотрела на себя в огромное зеркало в золоченой раме. Из глубины на меня глядела женщина с лихорадочным румянцем на щеках и той самой складкой между бровями, которая за последние полчаса превратилась в настоящую траншею.

— Интересно, — прошептала я в пустоту, глядя в свои же усталые глаза, — есть ли на свете хоть одно место, где

меня ценили бы просто за то, что я есть? Без этой вечной войны, без подстав и дурацких КРП? Где не нужно каждый день доказывать, что ты имеешь право на воздух?

Зеркало молчало. Отражение послушно повторяло каждое мое движение, каждый судорожный вдох. Ничего не изменилось. Обычное стекло в дурацкой раме. Я горько ухмыльнулась своему отражению:

— Да уж, Катя. Классно. Поздравляю. Докатилась. Сама с собой разговариваешь в офисном туалете. Дальше только психиатр.

Я устало опустила взгляд на хромированный кран, собираясь плеснуть в лицо ледяной водой. Рука уже потянулась к сенсору, как вдруг...

Краем глаза я заметила, что в зеркале что-то не так.

Я замерла. Сердце пропустило удар, а потом пустилось вскачь. Моя рука висела в воздухе над краном, но в отражении... в отражении я всё еще стояла, опершись о мраморную столешницу. И смотрела прямо на меня.

Я медленно, очень медленно подняла голову.

Отражение не шевелилось. Оно стояло в той же позе, с тем же усталым выражением лица. А потом... потом его губы медленно, почти неестественно, растянулись в широкой, хищной улыбке, которая не имела ничего общего с моей ухмылкой секунду назад.

Холод, от которого перехватило дыхание, мгновенно сковал тело. Я попыталась отшатнуться, сделать шаг назад,

прочь от этого кошмара, но ноги не послушались. Я споткнулась обо что-то невидимое, теряя равновесие, и мир вокруг меня рухнул.

Сзади больше не было двери и кафельной стены. Там разверзлась бездонная, звенящая пустота, в которую я начала заваливаться. В тот же миг зеркало перед моими глазами взорвалось.

Но осколки не посыпались на пол. Вместо этого они превратились в ослепительный, режущий глаза вихрь. Тысячи крошечных, сияющих лезвий закружились вокруг меня, втягивая в ту самую пустоту за моей спиной. Пол под ногами задрожал и просто перестал существовать, превратившись в зыбучий песок из света и тьмы.

Я закричала, но звук утонул в реве, похожем на шум реактивного двигателя. Меня не просто тянуло — меня высасывало из реальности, скручивало, выворачивало наизнанку. Я летела вниз, сквозь бесконечный, пульсирующий туннель из звезд и осколков моего собственного отражения. Единственная мысль, которая успела вспыхнуть в гаснущем сознании,

была до идиотизма бытовой: *«Хоть бы там не было Алексея. Пожалуйста, пусть это будет даже настоящий ад, но только без его правок и елейной улыбки».*

Тишина. Такая глубокая, что я слышала стук собственного сердца.

Темнота начала медленно рассеиваться, сменяясь мягким багровым мерцанием. В нос ударил густой, одурманивающий коктейль запахов: аромат сухих диких трав, раскаленного на солнце камня и чего-то животного, мощного, мускусного.

Я попыталась пошевелиться и поняла, что лежу на чем-то очень мягком, горячем и... дышащем.

— Мя-я-я-я-я-я. Ну и приземление! Тяжелая-то какая... И пахнет странно. Кофе и офисным стрессом, что ли? Слезай, дамочка, я тебе не диван в зоне отдыха!

Голос был скрипучим, ворчливым и пугающе близким. Я медленно открыла глаза, боясь увидеть обломки офисного унитаза, но реальность оказалась куда абсурднее.

Прямо передо мной, в паре сантиметров от носа, маячила огромная рыжая морда. Огромная — это размером с хорошую тыкву. Ярко-зеленые глазищи смотрели на меня с явным раздражением, а на макушке, опасно съехав на левое ухо, криво сидела маленькая золотая корона. Под моими ладонями была не холодная плитка «Плазы», а густой, теплый и удивительно мягкий мех, который мерно вздымался, как живой холм.

— Охренеть... — выдохнула я, чувствуя, как остатки офисного самообладания окончательно покидают чат.

— Не выражайся, — отозвалась морда, дернув ухом. Корона при этом звякнула и сползла еще ниже. — Здесь тебе не курилка. Вставай, Катерина Сергеевна. Раз уж ты так просилась в место, где тебя «оценят», то поздравляю — ты по адресу. Владыка как раз искал кого-то твоего профиля.

Я просто смотрела на него, не в силах даже моргнуть. В голове было пусто и звонко, как в пустом конференц-зале после тяжелого совещания.

— Ну? Чего замерла? Сползай давай! Работа сама себя не сделает, а у нас тут, знаешь ли, за прогулы не выговор выписывают, а голову откусывают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.